

Le martyre de saint Aréthas et de ses compagnons (BHG 166) / Éd. critique, étude et annotation M. Detoraki, trad. par J. Beaucamp. Paris: Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2007. 317 p.

Похоже, что группа французских исследователей, куда входят как византинисты, так и востоковеды, всерьез взялась за осмысление драматических событий, имевших место в Южной Аравии в первой половине VI в., задумав целую серию публикаций по этому сюжету, первой из которых является рецензируемая нами книга¹. Однако она имеет и самостоятельную ценность, так как представляет собой критическое издание столь интересного агиографического и исторического памятника как греческий текст “Мученичества Арефы” (далее: МА) с подробным введением и французским переводом. До этого момента все исследователи, пишущие о химьяро-эфиопских войнах, вынуждены были пользоваться греческим текстом, опубликованным в Acta Sanctorum. Напомним, что МА подробно описывает два эпизода этого противостояния. В 523 г. царь Химьяра Дунаас (Йосеф Асар Ясар, Зу-Нувас), принявший иудаизм, устроил в южноаравийском городе Награн (Наджран) массовое избиение христиан, отказавшихся отречься от своей веры. В результате учиненной им резни погибли клирики и монахи, а также бывшие христианами знатные горожане, включая женщин и детей, вместе с начальником города Арефой. События в Нагрane получили широкий резонанс, и эфиопским царем Элесбоа (Элла-Асбаха, Калев) при поддержке Византии была организована карательная экспедиция, в результате которой Дунаас был разгромлен и убит, на трон Химьяра был возведен ставленник эфиопского негуса, а в стране восстановлено исповедание христианства. Заканчивается МА благочестивым рассказом о том, как Элесбоа отрекся от престола и ушел в монастырь.

Во введении автор публикации, Марина Детораки, предприняла попытку выяснить связи греческого текста с сирийскими источниками, повествующими об этих событиях (с. 13–56), библейские модели, которые использовал автор агиографического рассказа (с. 57–77), определить (хотя бы приблизительно), кто мог быть его автором (с. 79–99), а также дала развернутую картину истории греческого текста этого памятника (с. 103–162).

Издательница полагает, что первая часть МА, где идет речь о событиях в Нагрane, сильно зависит от предшествующих ему источников, главным образом сирийских, и основным среди них считает Послание Симеона Бет Аршамского к Симеону, архимандриту Габулы². Симеон Бет Аршамский, в свою очередь, опирался на два источника: на Послание Дунааса к лахмидскому правителю Мундиру (и устные дополнения посла) и сведения, полученные от курьера из Нагрane. Далее, исследовательница, используя французский перевод текста Послания и сравнивая его с текстом МА в нескольких пассажах (слово вдовы, слово Арефы, фраза из диалога царя и ребенка), показывает зависимость текста первой части МА от Послания Симеона. Первая часть МА зависит от Послания и композиционно. Однако Детораки обращает внимание на то, что в одной из редакций текста МА (γ), мы встречаем эпизод об опровержении несторианства знатным горожанином Нагрane Зеейдом и об обращении в “ортодоксию” несторианина Эйтала, который был в “совете” химьярского царя. Этот эпизод отсутствует у Симеона, но, по мнению исследовательницы, за

¹ Помимо “Мученичества Арефы” в серии “Le massacre de Najrân, religion et politique en Arabie du Sud au VIe siècle” планируется выпустить отдельный том, посвященный эпиграфическим и нарративным источникам, а также итоговую публикацию, посвященную вопросам хронологии событий и их исторической интерпретации. Общую редакцию серии и публикацию двух последующих томов осуществляют Ж. Бокам, Ф. Брикель-Шатоне и К. Робен.

² Имеется в виду текст Послания, изданного И. Гвиди в 1880–1881 гг.

вычетом поздней интерполяции об “отцах Халкидона” восходит к первоначальной редакции МА и, видимо, был почерпнут его автором из другого источника. Детораки допускает также вариант того, что заимствования из Послания Симеона могли в МА быть опосредованы другим не сохранившимся текстом, но она полагает, что в любом случае составитель МА был достаточно далек от описываемых им событий, чем и можно объяснить хронологически непоследовательный порядок эпизодов в первой части памятника. Сравнивая МА с двумя другими важными сирийскими источниками по этой теме – “Книгой химьяритов” и анонимным Посланием, опубликованным в 1971 г. И. Шахидом, Детораки приходит к выводу о том, что данное Послание и “Книга химьяритов” вряд ли являлись источниками МА, скорее мы имеем дело с независимыми версиями, основанными отчасти на одних и тех же сведениях. По мнению исследовательницы, источником для второй части МА мог послужить один из не сохранившихся рассказов, сочиненных в честь Элесбоа и эфиопской экспедиции. Часть этой традиции, а именно рассказ о решении царя оставить трон и сделаться монахом, обнаруживается в другом греческом источнике – “Житии святого Григения”. Наконец, во второй части, по мнению Детораки, мог быть использован источник, повествующий о собрании в Рамле при дворе лахмидского правителя Мундира, где произошла полемика между несторианами, возглавляемыми католикосом Силой, и монофизитами, изгнанными Юстином. Часть этой же традиции обнаруживается в 22-й главе “Хроники Сеерта”³. В целом Детораки склоняется к мысли, что МА зависит от сирийских источников, что предполагает существование сирийского текста МА, послужившего основой для греческой версии.

К сожалению, при столь подробном источниковедческом анализе памятника за скобками данного исследования оказалось мнение известного отечественного востоковеда Н.В. Пигулевской о том, что еще одним возможным источником МА могла быть книга Нонна, фрагмент которой сохранился в “Библиотеке” патриарха Фотия. Авраам, отец Нона, будучи послом византийского императора к эфиопам, химьяритам и арабам, присутствовал наряду с Симеоном Бет Аршамским и Сергием Русафским в Рамле при чтении послания Дунааса (Зу-Нуvasa) к Мундиру, а затем в Хирте Наамановой, столице лахмидов, и наряду с двумя другими мог оставить свидетельства о трагедии, разыгравшейся в Нагрane⁴. Таким образом, источниковая база греческого текста МА может быть сложнее, чем предполагает Детораки, и не сводится целиком к гипотетическому сирийскому тексту-посреднику. Правда, ниже Детораки касается проблемы Нонна как возможного автора МА, но оставляет без внимания аргументацию Пигулевской – откуда в источнике взялись сведения, связанные “с традициями торговых людей или дипломатических представителей Византии (сведения о монетах, мерах и пр.)”⁵.

Исследуя литературную составляющую памятника, Детораки приходит к выводу, что при его написании автор опирался не на предшествующие агиографические образцы, а на библейские тексты. И главными литературными моделями для автора МА послужили Книги Маккавеев и Книга пророка Даниила, что помогает ему связать агиографию и историю и придать всему произведению целостность, несмотря на его явную двухчастность. Однако исследовательнице не удалось обна-

³ Возможно, часть этого же документа использована автором МА в вышеупомянутом антинесторианском эпизоде в первой части.

⁴ См.: *Пигулевская Н.В.* Первоисточники истории кушито-химьярских войн (к истории торговли и дипломатии Византии на Востоке) // ВВ. 1949. Т. 2. С. 92–93. Пигулевская, как известно, полагала, что источником трех текстов (“Книги химьяритов”, Послания Симеона и МА) послужили сведения, почерпнутые из Хирты Наамановой в 524 г., “когда там было получено послание царя химьяритов Масрука (т.е. Зу-Нуvasa. – *А.В.*) и туда прибыли разные лица из южно-арабских городов” (Там же. С. 93).

⁵ Там же. С. 93.

ружить прямых цитат из данных библейских книг или даже четких аллюзий на них⁶. Главный аргумент Детораки – типологический, где герои и сюжетные линии данных библейских книг являются “архетипическими”. Но именно это и делает ее выводы неоспорными. Следует также отметить, что Детораки все же удалось найти несколько параллелей между МА и предшествующей ему агиографической литературой, например, мотив явления небесного огня, который хорошо засвидетельствован в агиографии мучеников.

Об авторе греческого текста МА Детораки высказывается крайне неопределенно, признавая лишь то, что он не только переводит сирийские источники, но и адаптирует текст под вкусы грекоязычного читателя. Автор (или редактор) ретуширует христологические различия между халкидонитами и монофизитами, но при этом не подвергает текст серьезной модификации. В то же время МА имеет ярко выраженные антинесторианские пассажи. Автора МА, по ее мнению, надо искать в среде умеренных халкидонитов или монофизитов времени Юстиниана, которые либо были способны принять изначально монофизитский текст, наведя на него лишь легкую “ретушь”, либо могли адаптировать историю награнских мучеников таким образом, что она становилась приемлемой для умеренных сторонников Халкидона.

О месте и времени создания МА Детораки высказывается не менее осторожно, чем о его авторе. Сначала (с. 94) мы видим, что текст мог возникнуть между 532 и 536 гг., т.е. в то время, когда Юстиниан ищет богословского компромисса с севирианами, но затем (с. 97) в качестве крайней даты называется время до 540 г. Далее (с. 98–99) временные рамки и вовсе раздвигаются до неопределенных величин: вторая половина правления Юстиниана, конец его правления, время между 535 и 545 гг. Детораки обращает внимание на то, что помимо указаний на год правления императора и на индикт дата в МА дается по антиохийской эре, но не считает его достаточным для географической привязки. По ее мнению, текст мог возникнуть в среде двуязычных сирийцев либо в антиохийском патриархате, либо в Кесарии Каппадокийской, либо в сирийской диаспоре Египта. Такая неопределенность суждений позволяет надеяться лишь на то, что появление критического издания текста источника послужит стимулом к более интенсивным исследованиям по разъяснению авторства текста, времени и места его создания. С Детораки можно однозначно согласиться лишь в одном – в изначально монофизитском происхождении оригинала МА, которое просвечивает через всю позднейшую халкидонскую “ретушь”: достаточно указать на упоминания в тексте таких деятелей нехалкидонского движения как Симеон Бет Аршамский (МА, 25) и Тимофей Александрийский (МА, 1; 27; 28). Однако уже обращалось внимание и на то, что о роли Византии в химьяро-эфиопском конфликте сообщает только этот текст: сведения о том, что карательная экспедиция эфиопов была обусловлена обращением императора Юстина I к эфиопскому негусу непосредственно и через Тимофея Александрийского, отсутствуют и в Послании Симеона, и в “Книге химьяритов”⁷.

Как и следовало ожидать, в основу критического издания положен дOMETAFPACTOBCKИЙ вариант текста, хорошо засвидетельствованный в рукописной традиции памятника. Всего издательницей было выделено пять семей этой редакции (соответственно α, β, γ, δ, ε). Основная текстологическая проблема заключается в том,

⁶ Максимум, что удалось обнаружить исследовательнице – это уподобление Нагрна земному Иерусалиму (МА, 24) и явную отсылку к эпизоду призвания Самуилом Давида против Амалика в Книге Царств: 1 Цар. 15.17–18 (МА, 28).

⁷ См. *Пигулевская Н.В.* Первоисточники... С. 92. Возможно, отсутствие информации об этом в “Книге химьяритов” связано с лакунами, см. с. 175 рецензируемого издания. Но, на наш взгляд, именно Пигулевская дает наиболее взвешенное суждение об авторстве МА: его автор принадлежал к антиохийским кругам, которые ориентировались на столицу и императора (Там же. С. 93).

что семья γ , представленная в трех рукописях содержит три чтения, главным образом связанные с антинесторианской полемикой (МА, 4; 7; 11), которые отсутствуют в остальных семьях. При этом одна из рукописей семьи γ ($q = \text{Vienne, Bibl. nat., hist. gr. 114 (olim 40), XII или XII–XIII вв.}$) содержит краткий вариант текста: там отсутствует вторая часть, где речь идет о карательной экспедиции в Химьяр. Детораки считает, что именно эта рукопись отражает наиболее ранний вариант текста данной семьи, тогда как две другие рукописи уже показывают его развитие: к первоначальному рассказу была прибавлена вторая часть, представляющая собой не что иное, как модифицированный вариант семьи β . При решении вопроса о соотношении прочтений семьи γ и остальных семей исследовательница склоняется к тому, что чтения семьи γ сохранили более древний вариант текста, тогда как чтения остальных несут на себе ясные признаки его последующей эволюции: антинесторианские места из γ оказались редуцированными, поскольку в более позднее время антинесторианская полемика уже была не актуальной. Как нам представляется, в трех случаях сильного расхождения текста исследовательница пошла по единственно правильному пути: в этих случаях чтения γ и остальных семей были изданы параллельно в два столбца (с. 193, 201–205, 215–219). Верным решением нам представляется также и сохранение параграфов, на которые текст был разбит в *Acta Sanctorum*. Отметим и то, что издание текста снабжено подробным индексом греческих слов.

Важным дополнением является очерк о восточных версиях МА (исключая эфиопскую), написанный Андре Бингели. Он содержит подробный рассказ об арабских переводах МА (включая и представленный в каршуни) и два кратких сообщения о грузинских и армянских версиях. Интересно, что с точки зрения исследователя все ранние арабские рукописи, включающие МА, имеют мелькитское происхождение и связаны с Синаем. Бингели также отмечает, что арабские переводчики пользовались другими источниками (возможно, “Книгой химьяритов”), дополняя и модифицируя греческий текст. Так, ранняя арабская версия содержит иные сведения о подготовке эфиопской экспедиции: согласно ей, инициатива ее проведения принадлежала эфиопскому негусу, который узнал о случившемся непосредственно от спасшихся из Награна беглецов. Когда византийское посольство достигло двора Элесбоа, подготовка к экспедиции уже шла полным ходом. Отголоски именно этой версии присутствуют в “Хронике” Табари.

К большому сожалению, издание не содержит никаких сведений о славянских переводах МА. Сейчас уже, как кажется, мнение о сугубой вторичности и бесполезности славянских переводов для реконструкции греческих (византийских) оригиналов агиографических памятников уходит в прошлое. Поэтому отдельный – пусть и небольшой – очерк о славянской традиции МА в данном издании был бы не лишним⁸.

На наш взгляд, главная интрига в истории греческого текста МА заключается в том, каким образом рассказ об убийстве христиан-монофиситов стал частью агиографической и литургической традиции халкидонитов⁹, нашедшей к тому же свое отражение и в византийском искусстве¹⁰. Но именно этой проблеме в рецензируемом издании не уделено никакого места. Пожалуй только на с. 83, касаясь совсем

⁸ К сожалению, славянская традиция МА практически не изучена. Публикацию текста ВМЧ см.: Великие Минеи чети, собранные митрополитом Макарием. СПб., 1880. Октябрь, дни 19–31. Стб. 1839–1862. О некоторых древнерусских списках МА см.: *Творогов О.В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог. М.; СПб., 2008. С. 26.

⁹ В качестве любопытного факта можно привести предание о перенесении главы Арефы в монастырь св. Евфимия, см. с. 87 рецензируемого издания. Память мученика Арефы и с ним 4299 мучеников можно без труда отыскать в современном церковном календаре РПЦ под 24 октября по старому стилю (6 ноября – по новому).

¹⁰ В качестве примера последнего можно вспомнить фреску в монастыре Оснос Лукас в Фокиде.

другого вопроса, Детораки приводит мнение И. Шахида о том, что греческий текст МА следует рассматривать в контексте неохалкидонской политики императора Юстиниана и общего экуменического духа, которым было отмечено его правление. Однако в данном случае мы сталкиваемся со сложной и многофакторной проблемой, вероятнее всего, включавшей в себя как церковно-политические аспекты царствования Юстиниана, так и внешнеполитические, связанные в том числе с желанием Византии закрепиться на проходивших через Южную Аравию важных торговых путях.

В заключение хочется выразить осторожную надежду на то, что в последующих выпусках серии “Le massacre de Najrân” ее авторы будут уделять больше внимания исследованиям российских ученых и помимо указанного в библиографии немецкого перевода книги Н.В. Пигулевской “Византия на путях в Индию”, мы обнаружим и ссылки на ее статьи, где содержится немало интересных замечаний по этим сюжетам, а в итоговой публикации авторы не оставят без внимания работы известного отечественного сабеиста А.Г. Лундина, в частности его замечательную монографию “Южная Аравия в VI веке” (Л., 1961).

А.А. Войтенко

Прп. Максим Исповедник. Вопросы и недоумения / Изд. подгот. Г.И. Беневиц, Д.А. Черноглазов. М.: “Никея”, 2010 (Византийская философия. Т. 6). 488 с.

Новое издание текста одного из величайших и интереснейших византийских писателей VII в. является итогом многолетней кропотливой работы и вдумчивого чтения произведения. Впрочем, для Г.И. Беневица это уж не первый опыт публикации текстов прп. Максима Исповедника – в 2007 г. при его непосредственном участии вышли в свет два тома изданий сочинений автора¹. Несомненен и большой вклад в настоящее издание Д.А. Черноглазова, обеспечившего филологическую “акривию” перевода и комментария. Собственно перевод текста занимает в книге чуть больше одной трети (с. 71–220); он предваряется пространным предисловием (с. 7–70), за ним следуют обширные примечания (с. 221–396), являющиеся подлинным новаторским исследованием, таблица согласований между различными рецензиями памятника (с. 397–414), указатели (с. 415–462) и библиографический список (с. 463–482).

Предисловие начинается с обращения к читателю и объяснения актуальности нового издания и исследования, казалось бы, всем хорошо известного сочинения. Г.И. Беневиц делает это всего на двух примерах из текста: описании анатомии быка, могущем вызвать улыбку, и гораздо менее веселой истории пророка Елисея и гибели 42 детей (4 Цар. 2, 23–24), которая получила три совершенно разных толкования: Иоанна Златоуста, Максима Исповедника и современного филолога С.С. Аверинцева. Вторая часть предисловия (“Время, место и проблемы оригенизма”, с. 22–36) написана уже во вполне традиционно научном духе. Г.И. Беневиц рассматривает существующие точки зрения на происхождение прп. Максима (палестинское или константинопольское) и делает в этой связи осторожный вывод, что «хотя окончательно быть уверенными в палестинском происхождении прп. Максима, его сопри-

¹ Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г.И. Беневиц, Д.С. Бирюков, А.М. Шуфрин. СПб., 2007 (Византийская философия. Т. 1); Максим Исповедник. Письма / Пер. Е. Начинкина, сост. Г.И. Беневиц. СПб., 2007 (Византийская философия. Т. 2). См. также его рецензию на кн.: *Максим Исповедник, прп.* Вопросы и затруднения. *Questiones et dubia* / Вступит. ст., пер. и комм. П.К. Доброцветова // Богословские труды. 2009. Т. 42. М., 2009. С. 383–391.